

Семнадцать лет. Какой человек может быть предметом любви до такой крайности?

Вернувшись в общежитие, Ань Жун загрузила эту песню на планшет и, надев наушники, слушала её снова и снова.

Цинь Юнь была права. Песня, которую она назвала «Наваждение», была пронизана безумием, немного хаотична, стирала грань между иллюзией и реальностью. Она начиналась с снов и бормотания, постепенно раскрываясь как реальность, которая не имеет конца, а затем — крах и безумие.

Это была она сама.

Барабанный ритм в начале песни напоминал сердцебиение — тук, тук, тук, тук. С началом мелодии ритм усиливался, как будто певец нервничал, пробуждался, сопровождая всё это невнятным вздохом.

«Ах, любовь — она пришла — пойдёшь со мной?»

«Она говорила, что будет любить меня всю жизнь, но — как можно верить словам из пьесы, ха-ха...»

...

— Эй, — Сюй Сяое дёрнула её за наушники. — Тебя зовут, ты что, заснула?

Сюй Сяое пробормотала что-то под нос, придвинула стул и села рядом с Ань Жун, думая, что та слушает песню для предстоящего выступления. Эту песню включали каждый день, и Сюй Сяое уже почти надоело её слушать, поэтому она не придавала этому значения.

И не заметила выражения лица Ань Жун.

— Я немного нервничаю, — Сюй Сяое выдохнула, слегка смущённая. — Но я не боюсь вылететь.

Ведь она уже практически была утверждена, так что вылет был почти невозможен.

Ань Жун выключила музыку и повернулась, чтобы её выслушать.

Сюй Сяое понизила голос и с горькой усмешкой сказала:

— Я боюсь не достичь желаемого результата.

Ань Жун кивнула, думая про себя: «Я тоже».

Эту песню она обязательно должна спеть для Сюй Сяое, и для себя самой, поэтому никаких ошибок быть не должно.

Сюй Сяое продолжила:

— Половину этого танца я сама придумала, раньше я его не танцевала.

Ань Жун снова кивнула. Какое совпадение. Песню, которую она написала, она тоже ещё никому не пела.

Настроение Сюй Сяое внезапно ухудшилось, она, казалось, вспомнила что-то, с горечью и напряжением подёрнула уголок губ, вздохнула и словно сама себе сказала:

— Интересно, увидит ли она.

Ань Жун слегка нахмурилась.

Она? Или он?

Для кого же она придумала этот танец?

И ещё танцовщица.

Ну ты даёшь, Сюй Сяое. Я каждый день рядом с тобой, а ты умудрилась скрыть этот маленький секрет. Откуда она вообще взялась?

— Ну, — сказала Ань Жун, — тогда тренируйся как следует.

Очень сдержанно.

Сюй Сяое не заметила ничего странного, сама настроилась на нужный лад и добавила:

— Поможешь мне?

Ань Жун нахмурилась, хотела отказать.

С приближением отборочного тура давление от контрольного выступления, казалось, уменьшилось, но все были напряжены, как волчки. Днём репетировали, а в свободное время готовились к отборочному туру.

В общежитии атмосфера стала угнетающей, все почти не разговаривали, вымотались до предела, не было сил.

Сюй Сяое каждый день пропадала в танцевальном зале, и Ань Жун, хотя и не хотела смотреть, всё же пошла туда. Сюй Сяое танцевала великолепно, весь танец был целостным, с лёгким оттенком грусти. Закончив, Сюй Сяое опустила на пол и долго не вставала.

Ань Жун пошевелила пальцами, ей захотелось закурить.

Сюй Сяое посмотрела на неё:

— Ты же говорила, что не придёшь?

— Пришла посмотреть, — Ань Жун села рядом, глядя на пот, стекающий по лицу Сюй Сяое, её горло пересохло. — Танцуешь здорово.

После перерождения она давно не испытывала тяги к сигаретам, думала, что с новым телом это прошло, но, видимо, нет.

— Если тот, о ком ты говорила, увидит, ей понравится.

Сюй Сяое спокойно, без эмоций сказала:

— Она не увидит. Она умерла.

Ань Жун резко повернулась.

Но Сюй Сяое больше не хотела говорить об этом. Она вытерла пот с лица и спросила:

— Ты собираешься петь? Осталось два дня, а я не видела, чтобы ты репетировала.

Ань Жун поёрзала пальцами, не стала расспрашивать, нахмурилась:

— Репетировала. Ты была занята, не заметила.

В последние дни действительно было много работы. Песню, возможно, пела в общежитии, а там она бывала редко, так что могли просто разминуться.

Сюй Сяое кивнула, одной рукой поднялась с пола и протянула руку Ань Жун:

— Пошли, перекусим.

Ань Жун посмотрела на длинные пальцы Сюй Сяое, заколебалась. Сложно контролировать фигуру...

Сейчас, мучимая внезапной тягой к сигаретам, её рот и горло пересохли, перекусить было бы неплохо. Она положила руку в ладонь Сюй Сяое, почувствовав тепло и влажность.

Поднявшись, Сюй Сяое отпустила её руку, окинула Ань Жун взглядом и слегка нахмурилась:

— Ты слишком худая.

Выданная одежда висела на ней мешком, за последний месяц она похудела, и, похоже, что-то съела, что за месяц так вытянулась, став почти одного роста с Сюй Сяое.

Из-за этого одежда казалась ещё более свободной, штанины короткими, но это лишь подчёркивало юность Ань Жун, её девичью энергию и странным образом сочетающуюся с ней сдержанность, что временами заставляло не отводить взгляд.

Сюй Сяое отвела взгляд и сказала:

— Ты ещё молода, вытягиваешься, естественно, худеешь. Не надо так худеть, это вредно для здоровья.

Ань Жун строго контролировала своё тело, Сюй Сяое всегда говорила, что это не нужно, но тело принадлежало Ань Жун, и её слова были бесполезны.

Но она всё равно не могла удержаться.

Ань Жун снова кивнула, чувствуя, как сухость в горле почти исчезает.

Сюй Сяое, увидев её реакцию, поняла, что снова говорит впустую, лишь нахмурилась:

— Я голодна, поешь со мной.

Ань Жун согласилась:

— Хорошо.

Было уже поздно, но из-за того, что в последние дни всё больше людей засиживались

допоздна, внизу в столовой оставили одно окно открытым. Но уже было почти двенадцать, и в столовой почти никого не было.

Сюй Сяое заказала две порции лапши, которая быстро была готова. Мелко нарезанный зелёный лук рассыпался по поверхности, бульон был прозрачным, два тонких кусочка говядины лежали на лапше, а под ними тонкие и чёткие нити лапши.

Сюй Сяое протянула Ань Жун палочки:

— Не много, ты ещё не скоро ляжешь, поешь.

Она, казалось, уже давно изучила все привычки и распорядок Ань Жун, всегда появлялась в нужный момент, чтобы та не могла отказать, всё было слишком логично.

Ань Жун должна была бы радоваться, но вдруг подумала: с её эмоциональным интеллектом, неужели Сюй Сяое действительно не видела её наивной игры в прошлой жизни?

Они были вместе четыре года, даже если не были парой, в каком-то смысле они были больше, чем парой.

Сюй Сяое, неужели ты действительно никогда не знала?

В сердце Ань Жун поднялся туман.

Сюй Сяое подняла горячую лапшу и с недоумением посмотрела на Ань Жун:

— О чём задумалась? Лапша сейчас остынет.

Ань Жун дёрнулась, палочки упали на пол, она, словно пытаясь избежать чего-то, сразу же наклонилась и присела.

Сюй Сяое слегка нахмурилась. Что это за реакция? Даже за едой витает в облаках, что происходит?

Ань Жун схватила палочки, но не встала сразу, с горькой усмешкой дёрнула уголок губ.

Ах, ну зачем вдруг думать об этом? Продолжать обманывать себя было бы лучше.

Влюблённость звучит лучше, чем безответная любовь.

Когда Ань Жун поднялась, Сюй Сяое снова протянула ей палочки:

— О чём думаешь?

Ань Жун взяла их, дёрнула уголок губ:

— О завтрашнем выступлении.

Сюй Сяое положила два кусочка говядины из своей миски в миску Ань Жун:

— О чём думать? Всё будет хорошо, я видела, как вы репетировали, всё было отлично.

Ань Жун кивнула и съела миску лапши, не чувствуя вкуса.

Казалось, она не проглотила её, а всё застряло в горле.

Сюй Сяое решила, что это просто стресс, успокоила её, зная, что Ань Жун сама знает, что делать, и больше не стала говорить.

Ань Жун сидела в спортзале, отчаянно желая сигарету.

Когда у неё появилась эта зависимость?

Когда она поняла, что влюблена в Сюй Сяое, она была счастлива и взволнована, не могла уснуть всю ночь. Потом осознала, что эти чувства слишком тяжёлые, она не могла их вынести, но и отпустить тоже не могла. День за днём её гложил безответная любовь, и она начала курить, чтобы заглушить неконтролируемые порывы.

У Сюй Сяое было много друзей, красавцы и красавицы, и Ань Жун курила всё больше и больше.

Она думала, что с новым телом всё изменилось, и она бросила.

Но оказалось, что всё просто началось заново, её ослепила радость нового начала.

<http://bllate.org/book/16418/1487910>